

Eros Russe

*Русский Эрот
не для дам*

ТЕМНЫЕ СПРАСКИ

SALAMANDRA P.V.V.

EROS RUSSE

Русский Эрот
не для дам

Salamandra P.V.V.

Eros Russe: Русский Эрот не для дам. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2022. — 70 с. — (Темные страсти).

В издании полностью воспроизведена редчайшая книга «Eros Russe: Русский Эрот не для дам», вышедшая в свет в Женеве в 1879 г. Это — собрание скабрёзных, гомоэротических, скатологических и тому подобных стихотворений и поэм таких известных авторов, как М. Лермонтов, А. Шенин, П. Шумахер, П. Каратыгин и др. «Так как настоящий сборник стихотворений представляет картину нравов в закрытых учебных заведениях, откуда вышли нынешние государственные деятели, — пишет неведомый составитель, — то один из современников... решился отпечатать эти стихотворения в количестве 100 экземпляров, чтобы увековечить славные имена и подпоры Престол-Отечества». В книге присутствует ненормативная лексика.

EROS RUSSE

РУССКІЙ

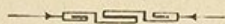
ЭРОТЪ

НЕ

ДЛЯ ДАМЪ

ÉROS RUSSE

РУССКІЙ ЭРОТЪ

НЕ

ДЛЯ ДАМЪ

EROS RUSSE

Русский Эрот
не для дам

К ЧИТАТЕЛЮ

Так как настоящий сборник стихотворений представляет картину нравов в закрытых учебных заведениях, откуда вышли нынешние государственные деятели, как например из Юнкерской школы (князь Б а р я т и н с к и й, П о т а п о в, Т и м а ш е в, Л о р и с – М е л и к о в); Кадетского корпуса (Ш у в а л о в, И г н а т ь е в); школы Правоведения (Н а б о к о в, П о б е д о н о с ц е в и др.), то один из современников перечисленных особ решил отпечатать эти стихотворения в количестве 100 экземпляров, чтобы увековечить славные имена и подпоры П р е с т о л – О т е ч е с т в а, дав заглавие сборнику «РУССКИЙ ЭРОТ».

1879 год.

ГОСПИТАЛЬ

I

Друзья, вы помните, конечно
Наш Петергофский госпиталь
И многим, знаю я, сердечно
С ним расставаться было жаль,
Там, антресоли занимая,
Старушка дряхлая, слепая
Жила с усатым ямщиком.
Но... дело вовсе не о том.
Ее служанка молодая
Нескромной бойкостию слов,
Огнем очей своих лазурных
Пленила наших грязных, бурных,
Неумолимых юнкеров,
И то сказать, на эти очи,
На эту ножку, стан и грудь
Однажды стоило взглянуть,
Чтоб в продолженьи целой ночи
Не закрывать горящих глаз
И страсть по меньшему пять раз.

II

Однажды после долгих прений
И осушив бутылки три,
Князь Б*, любитель наслаждений,
С Лафою** стал держать пари.

---

* Князь Александр Ив. Барятинский, адъютант наследника.

** Поливанов.

«Клянуся, — молвил князь удалый, —
Что нашу Польку в эту ночь
Я уебу!» — «Поди ты прочь!» —
«Шесть штук шампанского?» — «Пожалуй!»
И разошлись. Проходит день,
Заря угасла. Вечер ясный.
У тесной лестницы как тень
Наш князь вертится ежечасно,
И вот на первую ступень
Он ставит трепетную ногу,
Доска проклятая скрипит.
Бойтся он поднять тревогу,
Как быть? Вернуться? Срам и стыд,
А хуй-то! брандером стоит.
Он осушает с ромом фляжку
Скидает все, штаны, рубашку;
«Courage, mon cher, allons, скорей!» —
Кричит Choubin* из-за дверей.

III

И, ободренный винным паром,
Наверх вскарабкался наш князь,
Прижал защелку, входит, с жаром
Руками за хуй свой держась.
Чердак похабный, закоптелый,
Едва лампадой озарен,
Говно и пыль со всех сторон.
В широких креслах, в кофте белой,
В очках, недвижно, как гранит
Слепая барыня сидит.
Она чепцом почти закрыта.
И мыслит пьяный волокита:

---

* Шубин, юнкер, Николай Ив.

«Она, должно быть, подойду», —
И вот, приблизясь с быстротою,
Он дерзновенною рукою
Хватил старуху за пизду.
Ага! ну что? Попалась, душка!
«Ах, Боже мой — да кто же тут,
Марися, где ты? эй, Андрюшка!
Сюда, сюда, меня ебут!»

IV

В тот самый миг, со свечкой сальной
Всходил по лестнице мужик.
Вдруг слышит он, в господской спальне
Зовут на помощь, брань и крик.
Он дверь геройски открывает,
Ударив кулаком сплеча,
И что ж, о небо! озаряет
Его дрожащая свеча:
Худая, мерзостная срака
В сыпи, в заплатках и чирьях
Вареного краснее рака,
Как круглый месяц в облаках,
Пред ним сияла; свой огарок,
Смутясь немного, мой Андрей,
Перекрестясь, приставил к ней.
Невкусен князю был припарок
И он немедля с языка
Спустил лихого ебука.

V

Меж тем, мужик схватил дубину,
И лезет прямо, тот назад;

Увы, на княжескую спину
Удары сыплятся как град.
«Эй, господа, ко мне скорей!»
— «Попался, курвин сын, постой,
В другой раз будешь поумней!
Вот раз тебе и вот другой!» —
«Ты знаешь ли, я князь!» — «Вот штука,
Когда ж князя ебут старух?» —
«Пусти же!» — «Вишь, какой петух!
Ебена мать, вперед наука!»
Трещит окно, трясется дом,
Шум, грохот, стулья вверх ногами.
Удары вслед за ебуками
Летят, встречаются — содом!
И видит князь: в чуланчик темный
Открыта дверь, туда скорей
За ним с дубиною огромной
И со свечой спешит Андрей.
В окно, сквозь щели ветер свищет,
Дрянная утварь на полу,
Мужик врага повсюду ищет
И видит что-то там в углу.
Лишь только неуч размахнулся,
Вдруг точно чорт его схватил,
Остановился, заикнулся...
И тихо руку опустил.
В шинели с грозною шматиной
Марисю обхватя рукой,
Пред ним кидая взгляд крысиный,
Стоял Лафа, улан лихой.
Огромный, красный прыщ звездою
Блистал среди его чела.
С хуя тягучею струею
Еще заебина текла.
Закрыв глаза, младая дева,
Бледна и трепетна как Ева,
Когда Архангел Михаил
Ее из рая проводил,

Прижавшись к страшному улану,
В рубашке, спущенной с груди,
Шептала: «Боже! ах, не стану,
Не бей, Андрюша, погоди!»

VI

Ужасней молнии небесной,
Быстрее смертоносных стрел,
Лафа оставил угол тесный
И на злодея налетел:
Дал в зубы, сшиб его ногою.
Ему на горло наступил.
«Где ты, Брятинский, за мною,
Кто против нас!» — он возопил.
И князь, сидевший за лежанкой,
Выходит робкою стопой
И с торжествующей осанкой
Лафа ведет его домой.
Как шар, по лестнице скатился
Наш голожопый купидон.
Ворчал, ругался и бесился
И, морщась, спину щупал он.

VII

Но в ту же ночь их фактор смелый,
Клянясь доставить ящик целый,
Пошел Кукушкин * со двора
С пригоршней, полной серебра.

---

* Унтер-офицер при юнкерах.

И поутру смеялись, пили
Внизу, как прежде, а потом?
Потом, что спрашивать? забыли,
Как забывают обо всем.
Лафа с Марисей разошелся,
Князь мужика простил давно
И за разбитое окно
С старухой щедро он расчелся,
И, от друзей досаду скрыв,
Остался весел и счастлив.

VIII

Промчались дни... Марися, где ты?
Где губишь ты молодые лета?
Она исчезла; никогда
Мы не найдем ее следа.
Как храм, лилась своей святыни,
Уныл наш бедный гошпиталь.
Он стал мрачней лесной пустыни.
Смешно вздыхать, а, право, жаль.

1834

Гр. Диарбекир (Лермонтов).

ТИЗЕНГАУЗЕНУ*

Не води так томно оком,
Круглой жопой не верти,
Сладострастьем и пороком
Своенравно не шути.
Не ходи к чужой постели
И к своей не допускай,
Ни шутя, ни в самом деле
Нежно рук не пожимай.
Знай, прелестный наш чухонец,
Юность долго не блесит,
Хоть любовник твой червонец
Каждый раз тебе дарит;
Знай, когда рука Господня
Разразится над тобой,
Все, которых ты сегодня
Зришь у ног своих с мольбой,
Сладкой влагой поцелуя,
Не уймут тоску твою,
Хоть тогда за кончик хуя
Ты бы отдал жизнь свою.

Гр. Диарбекир (Лермонтов).

---

* Тизенгаузен вышел потом из школы в кавалергарды, а потом из полка, вследствие истории с Ардальоном Новосильцевым, бывшей на квартире князя Волконского, командира Павловского полка.

ОДА К НУЖНИКУ

О ты, вонючий храм неведомой богини!
К тебе мой глас... к тебе взываю из пустыни
Где шумная толпа теснится столько дней
И где так мало я нашел еще людей,
Прими мой фимиам летучий и свободный,
Незрелый, слабый цвет поэзии народной.
Ты покровитель наш, в святых стенах твоих
Я не боюсь врагов завистливых и злых,
Под сению твоей не причинит нам страха
Ни взор Михайлова *, ни голос Шлиппенбаха **.

Едва от трапезы восстанут юнкера,
Хватают чубуки, бегут, кричат: пора!
Народ заботливо толпится за дверями.
Вот искры от кремня посыпались звездами,
Из рукава чубук уж выполз как змея,
Гостеприимная отдушина твоя
Открылась бережно, огонь табак объемлет.
Приемная труба заветный дым приемлет.
Когда ж Ласковского *** приходит грозный глаз,
От поисков его ты вновь скрываешь нас,
И жопа белая красавца молодого
Является в тебе отважно без покрова.

Но вот над школою ложится мрак ночной,
Клерон **** уж совершил дозор обычный свой,
Давно у фортепьян не раздается Феня...

---

* Михайлов — унтер-офицер, сапожник и ростовщик в школе.

** Шлиппенбах — генерал-командир школы.

*** Ласковский — офицер в школе.

**** Клерон (Иван Степанович) также.

Последняя свеча на койке Беловеня*
Угасла, и луна кидает бледный свет
На койки белые и лаковый паркет.
Вдруг шорох, слабый звук и легкие две тени
Скользят по каморе к твоей желанной сени,
Вошли... и в тишине раздался поцелуй.
Краснея, поднялся, как тигр, голодный хуй,
Хватают за него нескромною рукою,
Прижав уста к устам и слышно: «Будь со мною,
Я твой, о милый друг, прижмись ко мне сильней,
Я таю, я горю...» и пламенных речей
Не перечтешь. Но вот, подняв подол рубашки,
Один из них открыл атласный зад и ляжки,
И восхищенный хуй, как страстный сибарит,
Над пухлой жопою надулся и дрожит.
Уж сблизились они... еще лишь миг единый,
Но занавес пора задернуть над картиной,
Пора, чтоб похвалу неумолимый рок
Не обратил бы мне в язвительный упрек.

Жрец мужика,
Инвалид Николай Иванович (Лермонтов).

Эти три стихотворения написаны в 1834 году одновременно с «Петергофским праздником», «Монго» и «Уланичей» (Уланшей).

Переписаны здесь со школьной тетради товарища Лермонтова Меринохоч, они нигде не напечатаны.

---

* Беловень — прозвище кн. Абомелика, потом лейб-гусара.

ОШИБКА

Задумал старичок, не помню я какой
Но только очень пожилой,
На девке-целочке жениться,
Чтоб наконец остепениться;
Но чтобы в грязь не пасть лицом
И показаться молодцом,
Просил врача он городского,
Чтоб снадобья покрепче прописал.
И вот наш эскулап, по просьбе молодого
Такого старику лекарства отвалял,
Чтоб десять раз уеб, хотя б и не желал.
Вот в день назначенный, не веря человеку,
Старик отправился за стеклянкой сам в аптеку.
В тот час, в аптекарской лакейской
Келейник ждал Архиерейский
Преосвященному слабительного взять,
Чтоб черствые блины из гузна протолкать,
Которые с вином сгустились и лежали
И каторжный пердеж Владыке причиняли.
Лекарства вынесли и тем вручили,
Которые об них просили.
К несчастью, старичок
Не тот взял пузырек.
А также и Келейник,
А все причиною затейник,
Который им лекарства те поднес.
Что слышу? старика прошиб понос.
Едва лишь от венца он на жену взобрался,
Как с ног до головы крутом весь обдристался,
Едва остался жив.
А пастырь наших душ хватил конфертатив.
Да кто тот Архиерей? как жалко, позабыл;
Позвольте, вспомнил — Гавриил.
Какое ж действие те капли возымели:
Все члены Пастыря от похоти горели,

Священные портки уж начали трещать,
Напрягся хуй и стал подрясник поднимать,
Схватил его в ладонь Владыко, дрожит
И еть смертельно хочет.
«Да тьфу, ебена мать! — во гневе он вскричал, —
Таких мучений я отроду не видал,
Где взять хорошенькой девчонки?
Ворота заперты, уж ночь, здесь нет пизденки;
Кого ж монахи-то ебут,
Когда хуй станет у них тут?» —
Он престарелого Игумна вопрошает.
Тот, преклонившись, с почтеньем отвечает:
«Хоть не велит закон,
Друг друга в афедрон...»
«Мысль эта недурна», — сказал Преосвященный;
«Попробую смягчить тем хуй мой разъяренный».
Но так как был он больше смел
Иль, может, лучше вкус имел,
Семинаристов он позвать себе велел,
Которы были помоложе.
Оно хоть то же, да не то же,
С тем, что кого он поебет,
Того в попы произведет.
И так себя, своих духовных он овец,
И удовольствия и пользу съединял,
Достойных Пастырей народу доставлял,
Какой святой отец!

СМИРЕНИЕ ОТЦА ПАХОМА

Благочестный муж, святой отец Пахом,
Забравшись на постель к одной девице скромной,
Оборотил ее смиренно вверх задком
И ткнул в ее проход укромный
Свой пол-аршинный кол.
«Отец мой, не туда!» — визжит и молится белица!
«Там лучше, ой, ой, ой! Все суета сует!» —
«Отец, поближе к переду!» «Нет, нет!
Пусть суются вперед другие божьи чада,
С меня смиренного достаточно и зада».

Оба эти стихотворения приписывают Баркову, а по другим Измайлову; последнее вероятнее. Они переведены с французского.

ПОХОЖДЕНИЯ ПАЖА

Поэма в двух частях

Предисловие

Педерастия издревле процветала в России. Известно, что и Иоанн Грозный, и Петр Великий, и Петр II были этому греху причастны, не говоря уже о многих исторических лицах и светских людях, которые в том подозревались. По законам полагались за мужеложство тяжкие кары, но они редко применялись. Никогда никто не был в России осужден за мужеложство на смертную казнь, между тем как в других европейских странах даже и в XVIII веке нередко исполнялись подобные смертные приговоры. Хотя герой поэмы вымышленное лицо, однако все описанные в ней проделки действительно совершались, но разными лицами; некоторые из них названы в примечаниях. Все это и теперь происходит. У лучших наших поэтов: Пушкина, Грибоедова, Лермонтова есть педерастические стихотворения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I

Я завтра корпус покидаю;
Как лейб-гусарский уж корнет,
Я красный ментик надеваю,
Мне скоро будет двадцать лет.
Оставить жалко мне, однако,
Тот розовый, в Садовой, дом,
Где так разврат развился всякой,
Где водворился наш Содом.
Здесь будет объяснить уместно,
Что корпусные все пажи
В столице севера известны
Как бугры или бардаши.
Хочу поведать откровенно
Я похождения свои;
Изнежены здесь утонченно
Большого света все слои.
Здесь Рима, Греции, Востока
Воскресли люди и дела,
И древним милого порока
Вся прелесть пышно расцвела.
Меня невинности лишили,
Как в корпус я лишь поступил*
Вполне и скоро развратили,
И грех содомский уж мне мил.

II

За мною первый волочиться
Стал черноокий, стройный паж.

---

* На восемнадцатом году, в этом возрасте поступают немногие, и то по особой протекции.

Он не замедлил объясниться:
Когда же ты, mon cher, мне дашь?
Спросил он прямо, обнял смело,
И целовал так горячо;
В моих ушах тут зазвенело.
Краснело от стыда лицо:
И был я словно околдован...
Он силой брал над всеми верх.
Умен был, ловок, образован,
Все возраженья опроверг,
И вскоре я ему и сдался;
Повел он в комнату меня,
Где склад постелей сохранялся,
За ним туда шел робко я.
«Ты поступил к нам так недавно,
Что знать не можешь здешний дом,
Живем мы весело и славно,
Ты будешь барышней-пажом;
Нельзя тебе остаться целкой,
Любовника ты должен взять,
Хороший выбор не безделка.
Отдайся мне, зачем тут ждать?»
На тюфяке легли мы рядом!
И он и я без панталон,
Моим полюбовавшись задом,
В меня хуй тонкий всунул он.
Сперва немного было больно,
Когда хуй в жопу мне проник,
И крови капало довольно,
Но скоро к хую я привык.
Любовник мой гордился очень,
Что он мне целку проломал.
Дотоле сердцем непорочен,
Любовь впервые я узнал;
Божок лукавый я прекрасный
Мне сердце уколол стрелой;
Я был влюблен сначала страстно,
Не чувственно, но всей душой.

Когда шептал я другу нежно
Что для меня он идеал,
Он жопу щупал мне небрежно,
Просил меня, чтоб подыбал
Ему по-блядски, с большим жаром,
И видел я, что пропадал
Мой чистый пламень сердца даром.
Он называл меня, смеясь,
Девчонкою сентиментальной,
Речей его смысл грязной, сальной
Стал понимать я каждый раз.

III

Уж сомневаться я не смею:
Девчонкою я создана;
К мужчинам склонность я имею;
Душа мне женская дана;
По-женски лишь могу я мыслить,
Девичьем голосом пою;
Меня ведь в слабый пол зачислить
За робость следует мою.
Зад очень жирный и широкий
При талье узкой у меня,
Рост для мужчины невысокий;
Горжуся дамской ножкой я;
Походкой женскою пленяю,
И жопой с грацией виляю.
И жилки синие найдут
На коже гладкой, белоснежной.
По мне своенравно-нежной
Меня за барышню сочтут.
Увы! пизды я не имею,
Хуек мне можно лишь драть,
Пизду же должен заменить
Я жопой пламенной своею;

Проход расширен, без волос;
Рот мал, с пунцовыми губами,
Лукаво вздернутый вверх нос;
Я с темно-синими глазами
И с розовым лицом блондин;
Я госпожа, не господин.

IV

Сперва я был довольно скромным,
Стыдливо жопу подставлял;
Лицом девичьим, взором томным,
Улыбкой милой я прельщал.
И юноша женоподобный
Очаровал всех скоро здесь;
На увлечения способный
Я похотью горел уж весь.
И начали в меня влюбляться;
Не ревновал любовник мой,
О том не думал объясняться,
Интригой занят был другой.
И модных дам себе манеры
Я стал усердно усвоить;
Прозвание Паж-Венеры
Дано мне было. Принимать
Я начал все в любви признанья,
И нежно руки пожимал;
И поочередно тут свиданья
В меня влюбленным назначал.
И по ночам они ходили
Ко мне свободно на кровать.
И в корпусе заговорили,
Что я преветренная блядь.
Своих любовников желанья
Я влажным взором вызывал,
И алых уст моих лобзанья

Им очень щедро расточал,
А жопой пухлой и атласной
Я пылко взъебывал хуям
И в омут неги сладострастной
Душой всей погружался сам.

V

Пошли уж шалости иные,
И без большого я труда
Знакомства в городе большие
Нашел меж буграми тогда.
Я в женском платье маскарады
Зимой исправно посещал;
На дамские себе наряды*
Костюм мой был для всех приманкой:
В ажурных шелковых чулках
Я был обут, как парижанка,
Котюрн на бальных башмаках,
С большими бантами подвязки
Застегнуты поперек колен;
Я в черном домино и маске
И в платье модного гро-грем;
Зад парфюмирован духами,
А маленький мой спрятан член
Под благовонными цветами;
Широким кружевом обшит
Подол батистовой рубашки,
И голые под юбкой ляжки,
Брильянтами браслет блестит;
Перчатки длинные за локоть,
С открытыми сосками лиф,
Чтоб возбуждать в мужчинах похоть.
Я был там очень весел, жив,

---

* Далее, вероятно, пропуск строки (*Прим. ред.*).

Кокетничал со всеми нежно,
Искал поклонников своих;
Чтоб еться с ними безмятежно,
Звал в ресторан Лиграна их;
И в троешных санях гурьбою
Участники моих проказ
Летели все туда со мною,
Любовным жаром разгораясь;
А там мне юбки поднимали,
И, жопу пышную открыв,
Сперва ее все целовали,
Потом ебли наперерыв.
Наташей Павловной прозвали
Меня тогда мои друзья;
Княжной Наташей величали;
По-женски говорила я.
Случалось часто, я давала
И двум любовникам зараз:
У одного я хуй сосала,
И жопою с другим еблась.
А иногда, один брал ножку,
В башмак атласный целовал,
Дрочил хуек мой понемножку,
Другой мне задницу лизал.
Заходки чувствовал всю сладость
Я в жопе, словно как в пизде,
У тех любовных ищет младость
На разный лад и вкус везде.
Душой и телом просвещенный
Два года я пробыл в Пажах,
И плод вкушал гам запрещенный,
И счастье находил в хуях.

VI

До производства в офицеры
Чтоб нашу нравственность сберечь

Начальники и гувернеры
Обязаны нам жопу сечь.
В особой комнате поставлен
С подушками диван большой;
Никто от розог не избавлен;
Порядок заведен такой:
Пажа учтиво приглашают
В ту комнату, где всех секут,
Число ударов объявляют
И к шкафу с розгами ведут.
Пук свежих розог выбирает
Себе для жопы тут сам Паж,
А панталоны опускает
Ему меж тем начальник наш.
Хоть вежливость с ним соблюдают,
В подушки на диван кладут,
Подол рубашки поднимают,
Пошире жопу заголяют
И сколько следует секут.
Пред самым даже производством,
Когда Пажу под двадцать лет,
Его не тешут здесь потворством,
Хотя он принят в модный свет
И завтра будет уж корнетом,
А все ж разденут ему зад,
Разложат на диване этом,
Дадут ударов пятьдесят.

VII

Конечно, очень лестно, право,
Сечь жопу до крови тому,
Кто на другой день величаво
Смотреть так будет, потому
Что он блистательным корнетом
Сюда приедет, в свой мундир

Кавалергардский разодетым,
И, свысока глядя на мир,
С усмешкой юношу поздравит
Тот самый, кто его порол.
«Вас украшает», — он прибавит, —
«Кровавой жопы ореол;
От розог ссадины мешают
Теперь на задницу вам сесть.
Хоть их лосины и скрывают;
Не буду впредь иметь уж честь
Я жопу гордую сечь вашу».
Красавец даст такой ответ:
«Чтоб розгами пятнать честь нашу
У вас теперь и власти нет;
Вы ошибаетесь ужасно,
Моя ведь жопа не болит,
Трудились вы над ней напрасно,
Она свободно уж сидит».
И отвернется он надменно
Но тот коварный человек
Промолвит: «Все-таки отменно
Вчера я вашу жопу сек». —
Считают наилучшим средство,
Чтоб послушание внушать,
Чтоб истреблять в пажах кокетство,
Их чаще розгами стегать.
Пахам, однако же, не стыдно,
Что здесь их задницы секут;
В них мало послушанья видно,
Не очень страшен здешний суд*.

---

* Пахам обыкновенно дают 25 и 10 или 50 розог, а 100 розог дают весьма редко, более же 100 никогда; секут вообще часто, но не очень больно. У многих Пажей кожа на жопе так тонка и нежна, что рубцы и даже кровь показываются после ударов совсем не сильных.

VIII

С соперником я рас подрался,
Кусал его, порвал мундир,
И сечь меня за то собрался
Наш новый ротный командир.
Порядку здешнему послушный
Он вежливо, но равнодушно
В то время раздевал меня.
Когда же, долг свой исполняя,
Он розгами мне жопу сек,
То, с изумлением взирая
На зад мой белый, словно снег,
Пленился тут его красою,
Тогда он видел в этом грех,
Не стал ухаживать за мною,
Но слаб ведь всякий человек.
Меня Пажом-Венерой звали,
Товарищи мои, шутя;
Когда ему о том сказали,
Он молвил, глядя на меня:
«Вы знаете, по крайней мере,
Что надо укрощать вам плоть,
И жопу ветреной Венере
Я стану розгами пороть». —
Ко мне за все здесь придирался
Он чаще, чем к другим пажам,
Но вскоре вслед за тем сознался,
Что он в меня влюбился сам.

IX

И, взяв меня рукой за талью,
В свою квартиру он повел,

Сказал там: «Милую Наталью
Раздетой видеть я б хотел». —
Спускаю тихо панталоны;
Он жадно на меня глядит;
Зад в Бельведере Аполлона
Не краше моего блесит.
Спросил я: «На вашей здесь постели
Прикажете теперь мне лечь,
Опять хотите, неужели,
Прелестную мне жопу сечь?» —
«Вам нарумянить зад позвольте
Еще лишь раз, мадмуазель». —
«Пажа другого взять извольте,
Ведь нас здесь целая бордель». —
«Я вас хочу тут на подушке
Посечь». — Меня он клал в кровать.
«Ну, сколько розанов же, душка,
Сегодня следует вам дать?» —
У нас ведь всякий вместо: *лозан*,
Когда о розгах говорит,
Употребляет слово: розан;
Оно всегда нежней звучит.
«Да, двадцати пяти довольно», —
С гримасою ответил я; —
«Смотрите ж, не секите больно,
Трепещет задница моя». —
«Теперь не бойтесь, я вас страстно
Всем сердцем стану обожать
И вашу жопу сладострастно
Я не устану целовать.
Да, паж прекрасный, для лобзаний,
Для неги чудной создана
Та жопа, женственных желаний,
Огня любви она полна.
Обязан был я поневоле
Здесь нравственность вам исправлять,

Но розгами не буду боле
Чувствительный зад оскорблять».

Х

«В последний раз пред жопой вашей
Пук дамских розог я держу,
Но не березовою кашей,
Пахам знакомой, угощу.
Вас сечь хочу иной манерой,
Чтобы сильнее воспламенить,
Чтоб раздроченною Венерой
Потом вас на хуй посадить». —
И розгами по жопе голой
Он деликатно ударял;
Спокойно, с миною веселой
Все розаны я сам считал;
И скоро в заднице невольно
Почувствовал любовный зуд,
Хотя немножко было больно,
Но понял я, что добровольно
Иные сечь себя дают.
Лилейная на жопе кожа
От розог очень покраснев,
Уж сделалась вполне похожа
На алые ланиты дев.
И так приятно на пуховой
Подушке было мне лежать
И неги сладостной и новой
Все удовольствие вкушать.
Свист розог раздавался мерно,
Но мне уже не страшен он;
Я похотью горел безмерно,
Мой хуй был жарко раздражен;
И вскоре из него полились
Горячей малофьи струи,

А розги между тем ложились
На жирные холмы мои.

XI

Я встал с постели и шатался,
Меня он нежно поддержал,
И алой жопой любовался,
И руку мне поцеловал.
«Теперь, мой дивный Паж-Венера,
Должны сказать вы прямо мне:
Хотите ль злого офицера
Здесь взять в любовники себе?
Ведь паж-княжна довольно много
Поклонников имеет здесь,
Она на них не смотрит строго,
Хоть и видна в ней знати спесь.
Пытался я сеченьем жопы
Наташе нравственность внушать,
Чтоб слух о том, что есть паж-блядь
До высшей не дошел особы*.
Посечь тут фрейлину-пажа
Я раза три уж постарался,
За розги с доброй целью брался,
И с ними сам увлекся я;
Наташей Павловной пленился,
А жопа так княжны мила,
Что я теперь уже решился
С ней на любовные дела».

---

* До вел. князя Михаила Павловича, начальника высших учебных заведений.

ХП

Моим ответом был взгляд томный
И сладострастный поцелуй,
А вместе с тем рукой нескромной
Его я взял за длинный хуй.
«На предложение согласен,
И признаюсь в том, не стыдясь;
Я вижу, что ваш хуй прекрасен,
И мне приятна с вами связь.
Вам стал теперь уже известен
К молодым красавцам бугров жар;
Запретный плод всегда прелестен,
Содомский грех ведь жопин дар.
И перед жопой развращенной
Должны вы на колени встать,
Кумир для вас уже священный
С благоговением лобзать.
Княжны Натальи ныне слава
Меж жопоебами гремит;
Ловка, стройна и величава,
Она принцессою глядит.
Роскошная Наташи жопа
К хуям привыкла, как пизда,
Пусть знает высшая особа*
О том: какая ж тут беда?
Наталию Павловну еть лестно;
Красавица-паж будет рад,
Когда ему наш хуй чудесный
Уважит похотливый зад.
И порицали хоть доселе
Вы к барышням-пажам здесь страсть,

---

* Намек на то, что вел. князь Михаил Павлович сам педераст (но очень осторожный).

А уж признали в самом деле
Теперь волшебной жопы власть».

XIII

«Но, как сегодня, в той же мере
И впредь не забывайте сечь
Тут задницу Пажу-Венере;
Не следует тем пренебречь.
Желаю я, вам это видно,
Чтоб вы румянили мой зад;
Мне это вовсе не обидно,
Приятно розги горячат;
И через день вам будет можно
Мне двадцать розанов давать,
И жопу нежно, осторожно,
Слегка рубцами украшать.
Под розгами сегодня лежа,
Я неожиданно узнал,
Что и сечение пригоже,
Чтоб мой хуек скорее встал». —

XIV

«Согласен я на то, конечно», —
Он, улыбаясь, отвечал, —
«Пажа-княжну люблю сердечно,
Чтоб угодить ей бугром стал,
Та похоть к розгам грациозна.
Но как бы вам не потерпеть,
И вас здесь выпороть серьезно
Другие могут захотеть.
Они не розовые ветки
А уж большой возьмут пучок,

Чтоб жопу сечь пажа-кокетки,
Так, что не встанет ваш хук.
Теперь хотите добровольно
Под розги жопу обнажить,
Но могут сечь вас здесь и больно,
Насильно зад ваш заголять.
Простые розаны вам дали
На заднице приятный жар,
А вам понравится едва ли
Махровых розанов удар».

XV

«Но после этих рассуждений
Я прямо к делу перейду:
Доселе я любил пизду,
Ищу иных уж наслаждений.
Стоит хуище завсегда,
Мне жопы женские известны,
Не еб мужчин я никогда,
Но зад пленил меня прелестный.
Вам буду верный селадон,
Я испытал любви тревоги». —
Уста и руки, жопу, ноги
Лобзал мне с упоеньем он,
Потом свой хуй обмыл водою,
Я раком встал тогда на стул,
Назвать дыру мою пиздою,
Хуй секилем не преминул.
Проход мой был им напوماжен,
С особым жаром проебен,
И теплой малофьей увлажен,
Гораздо хуем расширен.
Меж тем, он мягкою рукою
Меня дрович не торопясь,

И пылко жопною дырою
Я подъебал, разгорячась.

XVI

Он тихо вынул хуй из зада,
Обтер батистовым платком;
«Обмыть одеколоном надо
Теперь вам задницу, потом,
Чтоб кожа долго не свербела,
Обмойте на ночь еще раз;
Уж очень нежно ваше тело,
Мне снова хочется есть вас.
Рубцы на дамской жопе вашей
Сияют красной полосой,
Но завтра зад Пажа-Наташи
Заблещет прежнею красой.
Венерой вас зовут по праву,
Как женщина вы сложены,
Притом и женского вы нраву,
Мужчин любить вы рождены;
И даже меж красавиц модных
Не много столь изящных жоп,
Как мрамор белых и холодных;
Я неустанно бы вас еб». —
Он надо мной в кровать ложился,
Мильтфлером мне душил проход,
И всунуть мне тут ухитрился
Язык свой в жопу, хуй же в рот.
И с ним я ночевать остался,
Давать еще я был не прочь,
Победой новой наслаждался,
И проеблись мы с ним всю ночь.
С тех пор он стал мне другом верным,
Мои все жалости скрывал;

Но я пред ним был лицемерным,
Лишь здесь мои он связи знал,
А в городе имел свободно
Я обожателей других,
Любил смотреть на них холодно,
Когда они у ног моих,
И стал кокеткой своенравной,
Мужчин гнетет мой произвол;
Чтоб устоять в борьбе неравной
Так делает наш слабый пол.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Женоподобный паж в корнеты
Гусарские произведен,
Но, несмотря на эполеты,
Давать не перестанет он,
И пажа-бляди уж не будет,
А появилась блядь-гусар,
Мундирным золотом возбудит
Она к себе весь бугров жар.
Все имена свои изменит
И, неги женственной полна,
Княжну-пажа уже заменит
Блестящая гусар-княжна.
Корнет-Наташа другу скажет,
Что можно жопу ей раздеть,
И фрейлина-гусар с ним ляжет
И блядь-корнета станут еть,
Любовники так будут рады,
Когда красавица-корнет
Придет к ним с майского парада

Весь в красном с золотом одет:
С бобрами ментик, с саблей шашка
И в шпорах, кивер набекрень;
Ура! да здравствует Наташка.
Сияет он как майский день.
С него чахчуры тотчас спустят;
Любуясь, как Гусар блеснит,
Как жопой с похотью вертит,
Ему хуй в дырочку запустят.
Роскошный уж готов обед,
И надо подкрепить всем силы;
На первом месте сядет милый
С открытой задницей Корнет;
Особый сделай табурет,
Чтоб щупать зад ему удобней
И пальцем дырочку драть.
За здоровье жопы бесподобной
Друзья с восторгом будут пить.
К ним станет приезжать охотно
Для ебли Фрейлина-Корнет,
Ложится в позах бляди модной,
Кокетливо полураздет.

II

Начальство уж теперь не властно
Мне жопу розгами стегать,
И нравственность мне исправлять;
Давать всегда я буду страстно,
Неисправимая я блядь.
Не от стыда и не от лозы
Краснеть мой ныне станет зал,
Румян французских нежны розы
На нем всех бугров восхитят;
Кармином рожу буду красить,
Соски и заднюю дыру,

Все тело часто мыть и пудрить,
На жопу мушки посажу;
Носить большие серьги стану,
Глаза чернить себе сурьмой,
Плениать фигурой, гибким станом
И белой нежною рукой.
Все ухищрения кокетства
Примусь я тонко изучать,
Инстинкты женские от детства
Мной стали часто обладать;
И буду по привычке прежней
Шиньоны, шляпки моды здешней,
Корсет и юбки надевать.
Ночную женскую посуду*
И утварь дамскую я буду
Весь блядский гардероб держать,
И под одеждою гусарской
Белье все дамское носить,
И в титках накладных ходить
И дома и на службе царской.

III

Оставил мне здесь дядя мой
Весьма богатое наследство,
И у меня теперь все средства
Чтоб жить тут барыней большой;
Особый дом хочу отделать

---

* Потапов, камер-юнкер, богатый человек, сослан в Псков за то, что, одетый дамою, интриговал государя в маскараде, и государь ему руку поцеловал; жил, как тут написано, на Большой Морской в доме Лярского. Между прочим, у него были женские ночные горшки с его гербом. Ему не более 25 лет; хорошенький брюнет, руки и ножки совершенно женские.

И в нем на женский лад все сделать;
И будут там везде стоять
Кушетки, кресла, отоманы,
Чтобы на них мне раком стать;
Софы, восточные диваны,
Чтобы с комфортом в них давать;
И подле мраморной купальни
Роскошный дамский будуар.
Вся в зеркалах огромных спальня,
Там, где красавица-гусар
Могла б свободно и спокойно
Класть селадонов на кровать
И, жопу обнажив пристойно,
Пред зеркалами им давать.
Молоденьких лакеев стану
Я горничными одевать,
Параши имя дам Ивану,
Сергея Лизой буду звать,
Заставлю их мне зад лизать;
У куаферов здесь французских
Я двух парнишечек возьму,
Жокея-мальчика найму
В каскетке и лосинах узких.
Всем домом будет управлять
Одесский грек, бугр очень ловкий,
С особым тактом и сноровкой
Мне здесь любовников искать.
Ему я полную дам волю,
Есть в зад прислугу всю дозволю.

IV

Теперь могу исполнить я
Свои фантазии, капризы:
В гетеры древней светлы ризы
Хочу я облачить себя,

В живых картинах представлять
Алкивиада, Ганимеда,
Под лебедем лежать, как Леда,
Венерой пред Парисом стать,
Иль баядеркою плясать;
Московской барышней назваться,
Невестой объявлять себя
И дома в шутку обвенчаться,
Конногвардейца взять в мужа*,
Лечь в ложе брачное, вздыхая
Как целка, робко отвечая
На мужа страстный поцелуй
И спальню криком оглашая,
Когда воткнет он в жопу хуй;
В капоте и турецкой шали
За фортопьянами сидеть,
И без заботы, без печали
Варламова романы петть**;
Друзьям велеть мне тут же в зале
Во время пенья жопу еть;
В чепце, муслиновой сорочке
В постели в кружевах лежать***,
К себе с визитом днем и ночью

---

* Потапов за графа Крейца, конногвардейца. Однажды государь, увидя их проезжающих вместе в санях, сказал: «Voilà Kreuz et sa femme». Крейц теперь флигель-адъютант.

** Потапов обыкновенно пел «Красный сарафан», носил дорогие турецкие шали.

*** Нарышкин, брат графини Воронцовой-Дашковой, теперь адъютант князя Чернышева, хорошенький блондин с женскими манерами; живет совершенно как кокетка большого света, имеет несколько любовников, пишет к ним нежные письма слогом и почерком дамским. Служил прежде в армейских уланах в корпусе генерала бар. Сакена; пользовался его покровительством; Сакен не знал, что Нарышкин — бардаш. На одном костюмированном балу в Елисаветграде Нарышкин явился одетый маркизою XVIII века; не знавшие его не верили, что он мужчина. Костюм его стоил 10,000 руб. асс., не считая брильянтов.

Влюбленных селадонов ждать.
Иль в амазонку нарядиться
И сесть по-дамски на седле,
В лесу с жокеем заблудиться,
Чтоб в жопу дать ему в траве;
Большого света здесь в гостиных
Искать молоденьких друзей,
И новичков в любви невинных
От женских отвлекать связей
И к жопе приучать моей;
Иль еться предлагать монаху,
Сначала раздрочить его,
Потом ему тут, плюнув на хуй,
Крапивой высечь самого;
Клистир при всех себе поставить:
Влить в зад шампанское вино,
Моих поклонников заставить
Из нежной жопы пить клико.
Сколь можно — все мои проказы
Я буду от полка скрывать,
Могли б начальники узнать
И не терпеть такой заразы.

V

Устроить также я хочу
С блядьми и дамами затей:
Подобных мальчикам сыщу,
И им подвязав годмишей,
Пизды им стану закрывать,
Чтоб их не еть, а им давать;
По-женски сам оденусь в спальне,
Их нужно ж по-мужски одеть,
Они мне будут жопу еть,
Потом их поведу в купальню,
Чтоб, сидя голыми, уж там

Решать все женские вопросы:
Пленять мужчин чем должно нам,
Носить ли локоны иль косы,
В заду чем расширять дыру,
Как низко открывать нам груди,
Блестящей жопы всю красу
Чем можно сохранять нам будет,
Какой брать хуй приятно в рот,
Чем парфюмировать проход,
Его подобным делать розе*,
В какой нам лучше еться позе,
Причем не следует забыть
Взаимно дырочку драть.
Со всякой девкой знаться можно
И одевать в костюм пажей,
Под эластичный годмишей
Пизду совсем им спрятать должно,
А мне пред ними раком стать
В коротеньких балетных юбках
И языком лизать в их губках
И с жаром в жопу им давать,
А после танцевать качучу.
Балетным я велю Пажам
Друг дружку в задницу еть там,
И дам за все им денег кучу.

VI

Армян я буду соблазнять,
Стамбульским юношей являясь,
Вельможи сыном называясь,
Им жопу-целку предлагать.

---

* По-французски жопный проход «la rosette»; лизать жопу: «faire feuille de rose».

Когда ж, раскрыв мой зад, увидят
Они широкую дыру,
Я им бесстыдно тут навру,
Беды ведь из того не выйдет:
Что я серальский икоглан,
Могу пред ними похвалиться,
Меня еб только сам Султан
И я обязан тем гордиться;
Напрасно видят тут обман,
И как они о том не знали;
Лишь августейшему хую
Мою там жопу представляли;
То не пятнает честь мою;
И одалиски все считали
За целку там пизду свою.
Мой грек найти мне здесь поможет
Жополюбивых персиян,
Сравниться с ними ведь не может
Никто из наших россиян,
Им слава первых бугров в свете
Должна принадлежать вполне,
И толковать о том предмете
Не раз пришлось с друзьями мне.
Расскажам о стране внимая,
Где в жены юношей берут,
Свободно в жопу их ебут,
Где все, с монарха начиная,
Любовь ту высшим счастьем чтут.

VII

Край чудный, Персия золотая,
Там при фонтанах светлых вод,
В тени чинар, не умолкая,
О розе соловей поет,
И рощи пальм и лавров стройных

Под солнцем тропика растут,
И для страстей восточных, знойных
Красою отроки цветут.
Стихами Хафиза воспеты,
В венках на длинных волосах,
В браслетах звонких на ногах,
В шальвары женские одеты,
Там пляшут юноши в садах.
В дыму кальянов благовонном
Мирзы и Беки там сидят
И с видом важным, благосклонным
На пляску юношей глядят,
К себе красавцев подзывают,
Дождем червонцев осыпают,
Пощупав им прелестный зад.
Там едких ароматов полный
Восточной неги вертоград,
Содом покрыли древле волны,
Но вечно страсти те ж кипят:
Гаремных дев там заменяя,
Девичьей нежностью пленяя,
С букетом роз в руках лежат
Красавцы, сзади лишь раздеты,
На мягких шелковых коврах;
Утехи рая Магомета
Находит в них сам грозный Шах.

VIII

Завет священного Корана
Пророка мудрый волю чтит,
Живет без лжи и без обмана,
Зла никому он не творит,
Всегда держа себя достойно,
В дому своем сидит спокойно,
И часто тайные красы

Прелестных отроков ласкает,
В отрадном кейфе пребывает:
И жизни пролетят часы.
И Азраил счастливца вводит
В Аллахов радостный Эдем,
Чтобы встречать его, выходит
Там гурий-юношей гарем;
Их лики как луна сияют,
Шальвары радугой блестят,
И тут счастливца увлекают
Они с собой в небесный сад.
Там уж неведома власть Рока,
Там изумрудные луга,
Сафирно-ясных рек берега,
На них раскинут стан Пророка.
В Эдема рощах и шатрах
Ложатся пурпурные тени,
Прохладой дышат райски сени,
И в кипарисовых ветвях
Петь сладко Феникс начинает,
И в свод хрустальный выплывает
Золоторогая луна;
Денницы нет там: вечный вечер,
И вечная цветет весна,
И листья роз разносит ветер,
Гармоний сфер течет волна;
И в свой шатер счастливцев входит,
Уже любви час настает
И отрок-гурия приходит,
Шербет бессмертных подает;
Он гурий-юношей лобзает;
Горит божественный в нем жар,
Хвалу Аллаху воссылает
За вечного блаженства дар,
И хор незримый раздаётся,
В края Вселенной он несётся:
«Коран наш чти, о человек,
Из рода в род, из века в век».

IX

Но от персидских впечатлений
Я к нашим русским перейду,
И негу райских наслаждений
Здесь в Петербурге я найду,
Теперь свободно предаваться
Могу я слабости своей
И селадонам отдаваться,
Мне их любовь всего милей;
Я не покину их, конечно,
Не вижу в том себе стыда,
Я женщиной останусь вечно,
Моя ведь жопа та ж пизда.
Молоденьким красавцам надо
Себе любовников держать,
Красою женственного зада
Жар похоти в них возбуждать.
Ведь женщинами нас природа
С мужским лишь членом создала
И свойств мужчин нам не дала,
Мы существа иного рода:
Осуществляем идеал
Мы древнего Гермафродита,
И нас везде немало скрыто;
Доселе свет нас осуждал.
Чем мы виновны? не судите,
А снисходительно смотрите.

А. Ш.

Л.....ОЙ

Клянуся Ганимедом славным
Венеру-Каллипигу чтить;
Обоим на Олимпе равным
Я стану жертвы приносить.

Любовью к отрокам пылаю,
Их жопки есть не устаю,
Но их на время покидаю,
Есть жопы дев теперь хочу;

И, не внимая их молениям,
Помадить стану их проход,
И хуй с особым наслаждением
Им целку в жопе проебет.

Я знаю: женщины не любят
Мужчинам подставлять свой зад;
Пиздою многих они губят,
А в жопе более отрад.

И жопа вовсе не опасна,
От ней не заболает хуй,
Хотя пизда ебется страстно,
Ее коварен поцелуй.

Девичьей жопы жирной, белой
Великолепен ведь фасад:
Уважив честности дебелий,
Увлажнить надо ее зад

И объяснить ей деликатно,
Что честь у ней в одной пизде,
Что дева может еться знатно,
А слыть невинною везде,

Что светской девушке довлеет
Пизду для жениха беречь,
Пред бугром пусть же не робеет,
Бугр может лучше честь стеречь.

И ежедневно с восхищеньем
Он будет в жопу хуй вставлять,
С особым очень уж раченьем

Пизды невинность сохранять.
И барышня должна свободно
Хую свой зад предоставлять.
И даже это очень модно:
Пиздою целка, жопой блядь.

СВИДАНИЕ

Полночь скоро, я в волненьи,
Жду прелестного пажу,
И пылает в предвкушеньи
Райских нег моя душа.
Чу! звонок, и тихо входит
В дверь красавец молодой,
Томно речь свою заводит,
Обнимается со мной;
И с восторгом я кидаюсь
Жопу щупать у него,
В нетерпеньи раздеваюсь,
Чтоб пажу еть моего.
Жопа дивная открыта,
Наступил желанный миг,
Ароматами обмыта,
Я губами к ней приник;
И красавец подставляет
Обольстительный свой зад,
И мой хуй его пронзает;
Он мне молвит: «Как я рад,
Что сегодня ночью, милый,
Я к тебе явиться мог,
Ты ведь знаешь, как постылый
Наш начальник ко мне строг;
В дортуары к нам он ходит
Ежедневно по утрам,
Всех хорошеньких выводит
И осматривает сам;
Жопы наши обнажает,
Не пленяясь их красотой,
И всегда тут замечает,
Кто с расширенной дырой;
Не вникая оправданий,
На диван велит он лечь,
Своей собственною дланью

Начинает тотчас сечь;
Розгачами хлыщет жопу,
Любит часто он пажам
Рисовать на ней Европу,
Хоть и грешен в том и сам.
Он в разврате обвиняет
Всех хорошеньких пажей,
Нас, красавцев, почитает
За отъявленных блядей.
На соблазны очень падок
Всякий здесь прелестный паж:
Хуй для жопы очень сладок,
А для бугра мил бардаш». —
Между тем, мой хуй задорный
Жопу пышную ебет,
А мой юноша покорный
Задом пылко поддает.
Сладострастной неги полны
Губы слились в поцелуй;
Малофьи кипучей волны
Уже льет в заходке хуй.
Из дыры упругой, нежной
Хуй я тихо вынимал,
И пажа зад белоснежный
Горячо поцеловал.
Перед юношей колена
В восхищеньи я склонил;
Влагу млечную из члена
Жадным ртом своим ловил.
И глазам моим открылся
Проебенный мой проход;
Паж духами вмиг обмылся
И сел жопкой мне на рот.
И в пленительном томленьи
Зад волшебный я лизал,
И в восторге, в упоеньи
Все земное забывал.

Ал. Ш.

Р.....У

Хоть женские красы всех смертных восхищают,
Но признаюсь, любезен мне содомский грех;
Младых красавцев прелести меня пленяют,
В любви их нахожу я более утех,
Женоподобных юношей я обожаю,
Я в их объятиях восторги находил,
И Ганимед мне более Киприды мил,
Хотя и Каллипигу также уживаю *.
Хорошенький здесь паж мне каждый день дает,
И задница его посвящена недавно
Мной в таинства любви, еть горячо и славно
Ее мой жадный хуй еще не устает.
Сошлись. Вздыхая, паж ложится на постели.
Он жопу обнажил, подняв себе подол;
От похоти его уж щеки покраснели.
Я жопу щупаю, а хуй мой встал как кол;
С помадой я его пажу в проход вставляю;
Он станет задницей мне пылко подтыбать;
Целую я его, язык ему сжимаю.
Красавец страстно начинает мне шептать:
«Наверно, скоро у тебя уже зайдетса,
Я весь горю, мой друг, ты всунь поглубже хуй». —
Ко мне тогда лицом он нежно повернется:
«Еби меня сильней и пламенно целуй!» —
Вот сладкий миг настал последних содроганий,
И теплою струей из хуя потекла
Обильно малофья. Среди сладостных лобзаний
Мне молвил паж: «Ты видишь, что любви дела
Вполне известны мне. Теперь на отомане
Попробовать бы нам на лад уже другой,
Стоять я буду раком, а ты же стань за мной;
Иль боком ляжем на широком здесь диване;
Ты знаешь. милый друг, как я в тебя влюблен,

---

* Возможно, должно быть «уважаю» (Прим. ред.).

И верной я тебе любовницей останусь,
Такой покорности у своенравных жен
Ты не найдешь, с своей я страстью не расстанусь;
Хорошенькая жопа милого паж
Ведь более пизды дать может наслажденья;
Красивее меня не сыщешь бардаша;
С тобою я узнал любви все упоенье». —
Умолк. И раком жопа нежная дает,
Целует паж меня и нежно он вздыхает,
Рука моя, меж тем, его хуек трясет,
А жопное кольцо мой длинный хуй сжимает;
Зашлось. Фонтаном брызжет в жопу малюфья,
Красавец пламенно мне задом подъебал
И горячо дрожит его рука моя,
Пока вся влага из хуйка его стекает.
Тут, вынув тихо хуй, душистою водой
Я жопу юноши и член свой обмываю,
Потом платком их осторожно обтираю.
«Сегодня, — молвил он, — приду в тиши ночной;
Раздегся должен ты, и хуй свой напомажи,
А также мой проход, ты ляжешь на кровать,
Я ж сяду на тебя верхом. Поймешь ты, глядя,
С какой я буду нежностью тебе давать,
Когда твой пылкий хуй мне в задницу вонзится —
Что лучше женщины красавец молодой:
С тобою может он задком совокупиться.
Ты будешь щупать зад и ляжки мне рукой,
Смотреть, как в жопе пухлой, белой и атласной,
Твой ненасытный хуй ярится и кипит,
Как юноша ебется горячо и страстно,
И томно на тебя через плечо глядит». —
Сбылось все это ночью. Паж ко мне явился,
Разделся тотчас весь, потом себя обмыл
Хуек и жопу, в девку тотчас обратился,
Надев чулки и туфли дамские; он был
В рубашке тюлевой и чепчике; на шее
Из перлов ожерелье, на руке браслет;
И, забывая все, дрожа и пламенея

Мы с ним еблись, пока не наступил рассвет.
О Р. . . . . й! Бардашей мы здесь ебем прекрасных,
В их дивных жопах пыл свой можем утолять,
И алые уста красавцев сладострастных,
Их ляжки нежные и дырочки лобзать.

А. Ш.

Поэма о паже и стихотворения Л. . . . . ой, *Свидание* и Р. . . . . у переписаны из сборника, находившегося у Мих. Вас. Сум. По его словам, они сочинены в сороковых годах Ал. Фед. Ше. . . . . м, служившим в высш. учеб. заведениях, бывшим одно время редактором энциклопедического лексикона Плюшара. Ш. . . . . в 1848 году был отставлен со службы и выслан из Петербурга за педерастию, эта история тогда была всем известна. Рассказывали, что военный министр призвал Ростовцева и передал ему приказание государя, чтобы строго преследовать педерастию в высших учебных заведениях, причем кн. Чернышев прибавил: «Яков Иванович, ведь это и на здоровье мальчиков вредно действует». — «Позвольте в том усомниться, ваша светлость, — отвечал Ростовцев, — откровенно вам доложу, что когда я был в Пажах, то у нас этим многие занимались; я был в паре с Траскиным (потом известный своим безобразием толстый генерал), а на наше здоровье не подействовало!» Князь Чернышев расхохотался.

Педерастия никогда не прекращалась в высших учебных заведениях. Кадеты пели на голос марша песню, начинавшуюся следующими словами:

В пизду ети не годится,
Лучше в жопу завсегда

От пизды бубон родится,
А от жопы никогда,
Бум, бум, и т. д.

Примечание к поэме о паже принадлежит вероятно автору Ш. . . . . у.

Вот другой вариант, который пелся в губернских присутствиях по крестьянским делам в 1861-1863 г., при наступлении адмиральского часа (11 ч.).

Секретарь (соло):

В пизду еться
Не годится,
А в жопу завсегда.

Хор дворян присутствующих: а! а! а!

(Соло):

От пизды
Шанкир родится,
От жопы никогда.

Хор: а! а! а!

МОСКОВСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

КНЯЖНЕ ВАРВАРЕ ПАВЛОВНЕ ГАГАРИНОЙ*

Львица модная, молодая,
Честь паркета и ковра,
Что ты мчишься, удалая,
И тебе придет пора.
На балах ты величаво
Жопой круглой и вертлявой
Своейравно не вилай,
И меня не раздражай.
Погоди, тебя заставлю
Я смириться подо мной,
Жаркий хуй свой позабавлю
Окровавленной пиздой.

ГРАФИНЕ ЛИДИИ АРСЕНЬЕВНЕ НЕССЕЛЬРОД,
урожденной Закревской.

Ныне век настал счастливый
Для сниманья панталон,
Из Москвы благочестивой
Вышел сущий Вавилон.
Вот смотри, дивись и ахай,
Православный наш народ:
Так и лезет прямо на хуй
Ненаеба-Нессельрод.
Дочь засери-патриота,
Ненаглядная отцу,

---

* Потом замужем за Солнцевым.

В пользу армии и флота
Рада дать хоть жеребцу.

НА ПОЖАЛОВАНИЕ СТАНИСЛАВА
ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ
Обер-полицмейстеру
МОСКОВСКОМУ БЕРИНЧУ

Звезда на небе заблудилась.
Юпитер крикнул на звезду:
«Иди ты к матери в пизду».
Звезда на Беринча скатилась.
Когда у Спасских-то ворот
Видел русский наш народ,
Где он молится и верит,
Там он мочится и серит.

Д. Ленский

ВЕСНОЮ 1816 г. В МОСКВЕ
случились следующие происшествия:

Умерла вдова последнего грузинского царя Георгия; послушник Донского монастыря Зыков, из дворян, убил княгиню Голицыну, с которою прежде был в связи; распространился было слух, что в городе холера, но оказалось, что только в одном из приходов Суцзовской части заболела поносом попадья, и Москва-река прошла. По поводу того появилось следующее стихотворение:

Царица Грузии скончалась,
Монах княгиню заколол,
В Сущове попадья усралась,
И москворецкий лед прошел.

СТИХОТВОРЕНИЯ АКТЕРА

П. А. Каратыгина

МОДНОЙ КАМЕЛИИ

Когда в коляске щегольской
Камелия вдоль Невского проспекта
Летит, довольная собой,
Еще разляжется для большего эффекта,
Невольно думаешь: зачем же ты легла,
Ведь дома ты ложишься то и дело,
И лежа, кажется, коляску нажила,
Неужели же тебе лежать не надоело?

АКТЕРУ ВАСИЛЬЕВУ ПОСЛЕ ИГРАННОЙ ИМ РОЛИ *Иоанна Грозного*

Какой же Грозный ты? Не быть орлом сычу,
Тебе к лицу зипун, да красная рубаха,
А бармы царские тебе не по плечу,
И вышло, что наклал ты в шапку Мономаха.

П. К.

ПОЕЗДКА В СЕРГИЕВСКУЮ ПУСТЫНЮ (ПОД ПЕТЕРБУРГОМ)

Скоромная песня на постном масле

Ветер тучи яростно
По небу несет
И с людей безжалостно
Шапки так и рвет.

Мечется, беснуется,
Женщин валит с ног,
Под подол к ним суется,
Дует в зад и в бок.

Холод всю энергию
Уничтожил в нас,
Собралися к Сергию
Мы не в добрый час.

Мы для развлечения
Погулять пошли,
Целое селение
Девочек тут нашли.

Видно из усердия
К братьям святым
Сестры милосердия
По соседству к ним.

Плоть смиряя мощную,
Тут монах иной,
Отстояв всенощную
Ночь кутит с сестрой.

У сестры, как водится,
И еби и пей,
Как монах расходится
Что твой воробей.

Только жар свой внутренний
Он слегка уймет,
Слышит, что к заутрени
Колокол зовет.

Кое-как поправится,
В церковь он бежит
Рьяно — «да исправится»,
Тянет и хрипит.

Впрочем, осуждение
Тяжкий грех и срам,
Положу хранение
Я моим устам.

П. К.

По поводу происшествия в Константинополе во время восточной войны в феврале 1854 года, когда в одной кофейной египетские матросы изнасиловали четырех молоденьких английских мичманов.

Сердца в Британии вздрогнули
При звуке сих печальных слов:
Матрос египетский в Стамбуле
Ебет британских мичманов.

О Турция! как ты решилась
Спустить друзьям своим штаны,
Луна двурога вонзилась
В центр полной английской луны.

Не для того мы действуем союзно,
Подставляя грудь врагам твоим,
Чтоб, спрятавшись за наше гузно,
Ты так воспользовалась им.

Ужели похоти порочной
Ты не могла в себе унять
И будешь ввек вопрос восточный
Лишь с этой точки понимать.

Стыдись, добро бы из корысти,
Кто не грешит из барыша!
Но зад нам сколько хочешь чисти —
Ты не получишь ни гроша.

ОТВЕТ ТУРЦИИ

Не с похоти, но от досады
На ваш бездействующий флот
Мы вас немного ткнули в зады,
Чтоб вы подвинулись вперед.

П. Каратыгин

СПОР

Однажды в древности седой,
В начале века,
О первенстве между собой
Заспорили все члены человека.
«Никто не отобьет мои права, —
Кричала громко Голова, —
Я старшая над всем. Природа так решила,
И потому меня высоко поместила,
Во мне престол — душа, рассудок — царь всему,
Во мне и взор и слух и обонянье
Дар слова — все покорствует уму,
На мне лежит венец создания.
Что ж было б без меня? Во мне все родилось:
Художества, искусства и науки!»

«Нет, Голова, постой, не поднимай свой нос, —
Кричат обиженные *Руки*, —
Без нас не сделала б ты ничего вовек,
Все, все у нас в руках, руками все берется
И что такое человек
Когда от рук он отобьется?
С мечом в руках, он покори́л весь мир,
Руками хлеб насущный добывает
И золото — земной кумир,
Пред кем все головы склоняют,
Все те же руки доставляют.
Куда ни оглянись, вокруг
Все дело человеческих рук». —
«А мы-то что ж? — сказали *Ноги*, —
Вы нас не ставите ни в грош,
А ведь без нас далеко не уйдешь,
Нам дайте место, прочь с дороги!
Мы все привыкли попира́ть,
Так, например, в войсках маршировать,
Или в балетах танцевать.
Не будь-ка нас, так все увидели бы сами,
Что в свете все пошло бы вверх ногами».
«Постойте, спор у нас идет о пустяках, —
Тут *Сердце* вскрикнуло в сердцах; —
Мне, мне отдайте предпочтенье,
Во мне одном душа и животворный дар,
Я двигатель всего без исключения,
Я — кровяной резервуар!
Без сердца род людской презренное творенье,
Без ваших рук и ног все ж человек живет,
А вынь-ка сердце, он умрет.
Во мне огонь любви, при мне молчит рассудок».
«А я-то что ж? — заговорил *Желудок*, —
Стара шутка, нет, это мне не по нутру».
«Постой-ка, куманек, вот я им нос утру,
Вскричала *Задница*-соседка; —
Я с духом соберусь и им отвечу метко:
Пусть на мне сидят, но правда верх возьмет,

Хоть я и Задница, а выставлюсь вперед,
Ну, Куманек, крепись, дружей соединимся,
Усермся, а им не поддадимся!
Обязанность моя хоть не совсем чиста,
Но занимаю я все нужные места,
Мне уступите вы, конец безумным спорам,
Не то поносом накажу я всех, или запором».
И вдруг и шум и гам... сумятица пошла
И Заднице Рука пощечину дала.
Зарделась Задница, пердит, шипит, вертится,
И члены все пошли к Юпитеру судиться.
В тот день, как говорят, всесильный бог богов,
Был сам желудком тоже нездоров,
И, дело выслушав как раз без замедленья,
Такое положил он им свое решение;
Чтоб Руку дерзкую позорно наказать
Велел ей Задницу вовеки подтирать.

П. Каратыгин

АДАМ И ЕВВА В ПЕТЕРГОФЕ

В зной летний в Петергофе рай земной.
Против Адама я сидел и любовался,
Как вкруг него фонтан вздымался с быстротой,
И пылью радужной на солнце рассыпался.
Наш праотец свой взор на небо обращал,
Исполненный любви и умиленья,
В руке он яблоко моченое держал —
Таинственный символ грехопадения,

Но тут художник сам немного погрешил,
Какой он именно момент изобразил?
Адам с своей женой в раю не разлучался,
Куда ж она ушла? куда же змей девался?
Я, признаюсь, никак не в силах допустить,
Чтобы в раю супругам первородным
На разных половинах быть.
Потом другой вопрос хотел бы я решить:
Коль цело яблоко, так, видно, в самом деле,
Они еще его не съели
И не успели согрешить.
Случайно тут я поглядел налево —
И вижу, вдалеке стоит праматерь Евва.
Я к ней отправился, и что ж увидел там?
И Евва также, как Адам,
Запретный плод в руке держала.
Я снова удивлен был промахом таким:
Змей искусил их яблоком *одним*,
Откуда ж к ней *другое*-то попало?
Еще хотел бы я узнать:
У Еввы отчего ж фонтанов не спускать?
Обидна за нее небрежность мне такая —
Адам мокрехонек, а Евва вся сухая!
С вопросом этим я отнесся к сторожам —
И вот они что отвечали:
«Начальство, значит, так уж приказало нам,
Чтоб отворяли кран Адаму по утрам,
А Евву вместе с ним чтоб под вечер спускали».

П. Каратыгин

Шла старушка мимо будки
Крикнул будочник для шутки:
«Кто идет?» — «Солдат!» —
Отвечала баба-хват.
Да, хорош солдат в салоне!
Да и хватъ ее по жопе.

Мятлев.
(Автор Курдюковой.)

СТИХИ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ

Прекрасные лета
Лета наследника,
Поднимается это
При виде передника.
Пред ним Калиновская*,
Он весь задрожит,
Она б и таковская,
Да папа не велит.

ГОЛОС ПРИРОДЫ

Едва лишь я из Института,
Оконча курс, вступила в свет,

---

* Наследник (Александр Николаевич), в очень молодых летах был влюблен в фрейлину Калиновскую (польку), которая потом вышла замуж за князя Огинского.

Мне все кричали: «Ах, Анята,
Милее вас на свете нет!»
Вся молодежь на всех собраниях
Вокруг меня, как рой, вилась
И всяк просил из сострадания,
Чтоб я дала ему хоть раз.
Я долго за нос всех водила
Затем, что мне наедине
Моя маман всегда твердила
Что это больно будет мне.
Однажды как-то в вечер длинный
Маман уехала на час,
А я осталась в гостиной
С одним студентом глаз на глаз,
Болтала я кой-что от скуки,
А он все слушал, да молчал,
И только жал мне нежно руки,
И страстно в шею целовал.
Потом не знаю, как случилось,
Я это помню, как во сне:
Что на диване очутилась,
А он лежал уже на мне.
Невольный крик мгновенной боли
Он поцелуем заглушил, —
И рай, неведомый дотоле,
Рай Магометов мне открыл.
Под ним я страстно трепетала
Его руками обвила,
Горела, таяла, дрожала,
Зашлось... и я вся замерла.
С тех пор уж я другая стала,
Я слов мамаше не боюсь,
Готова дать кому попало
И под мужчин сама ложусь.
Готова в море сладострастья
Всю жизнь тонуть и замирать,
О, для чего я не во власти.
Чтобы всему мне миру дать.

Да, я теперь уже другая.
Я стала всякому давать,
И свет кричит, меня ругая,
Что я отъявленная блядь.
Но пусть я блядь, пусть буду блядью,
Я не сержусь за то, ей-ей,
Затем, что даже между знатью
У нас есть тысячи блядей,
Их той же кличкой называют,
Меж нами разница лишь в том,
Что те, блядуя, прикрывают
Пизды — сиятельным гербом.
Одни блядуют так, от скуки,
Другие ради новизны,
Те ищут подлинные штуки,
Иные с тем уж рождены.
И все дают кому кто может,
Кадетам, неграм, кучерам,
Монахам, дворникам, вельможам,
Студентам, банщикам, попам.
Итак, пускай людская злоба
Меня ругает, но ей-ей,
Клянуся всем, что я до гроба
Останусь блядью из блядей.

ПЕСНЬ ПРАВОВЕДОВ

Венера, Венера,
Скажи ты скорей,
Какая манера
Чтоб еть веселей? —
Прошла всю Европу,
Сказали везде:
Давать через жопу

Приятней пизде! —
Так нужно ль с пиздами
Знакомиться тут?
Товарищи сами
Дают и ебут,
Приятное дело
Друг другу давать,
И жопкою смело
Пред хуем вилять.

Песня эта была в большом ходу в Школе Правоведения в сороковых и пятидесятых годах.

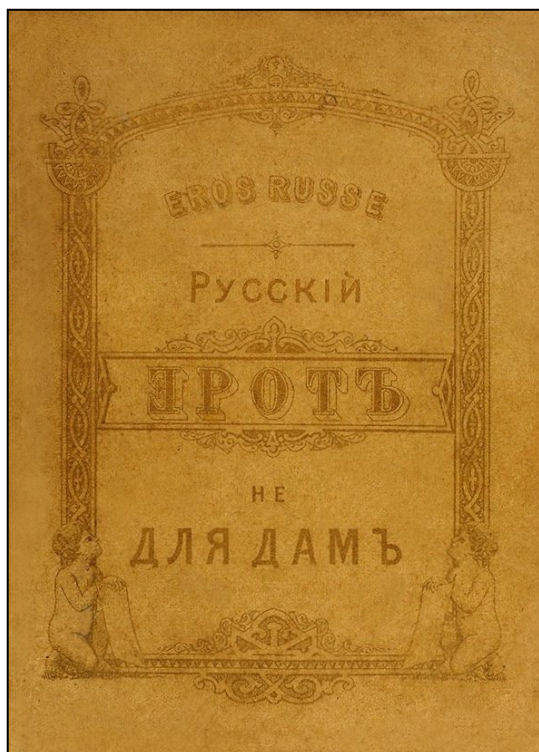

БАШУЦКИЙ И КНЯЖНА УРУСОВА *

За трапезой царской
Комендант сидел,
С важностью боярской
Чинно рака ел.
Фрейлина с тарелки
Шарик ему в глаз,
Барышня, не целки,
Вот я раком вас.

---

* Комендант Башуцкий за обедом при дворе ел гомара, фрейлина Урусова (впоследствии вышедшая за князя Леона Радзивилла). сидевшая напротив, сказала ему: «Я в вас шариком попаду», кинула, но не попала. Башуцкий отвечал: «Вы не метки, не целки, а я вас раком». Урусова была любовницей Николая Павловича. По другим, это было с Нарышкиной, впоследствии княгиней Юсуповой.

Текст книги публикуется по первому изданию [Женева: М. К. Эпидин, 1879]. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Исправлены наиболее очевидные опечатки. Подстраничные примечания, помимо отдельно означенных, принадлежат составителю.

ТЁМНЫЕ СПАСЕНИЯ

SALAMANDRA P.V.V.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.